

В. ПАНОВА

СЕРЕЖА

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

ВАЛЯ

ВОЛОДЯ

ЕВДОКИЯ

МЕТЕЛИЦА

ПРОВОДЫ БЕЛЫХ НОЧЕЙ

В. ПАНОВА

СЕРЕЖА
СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН
ВАЛЯ
ВОЛОДЯ
ЕВДОКИЯ
МЕТЕЛИЦА
ПРОВОДЫ БЕЛЫХ НОЧЕЙ

Государственное издательство
Художественной литературы
Москва - Ленинград
1963

Оформление художника
Г. Курочкиной

СЕРЕЖА

*Несколько историй из жизни
очень маленького мальчика*

*Моим детям —
Наталии, Борису и Юрию*

КТО ТАКОЙ СЕРЕЖА И ГДЕ ОН ЖИВЕТ

Выдумали, будто он на девочку похож. Это прямо смешно. Девочки ходят в платьях, а Сережа давным-давно не ходит в платьях. У девочек, что ли, бывают рогатки? А у Сережи есть рогатка, из нее можно стрелять камнями. Рогатку сделал ему Шурик. За это Сережа отдал Шурику все ниточные катушки, которые собирал всю свою жизнь.

А что у него такие волосы, таких сколько раз стригли машинкой, и Сережа сидит смирно, закутанный простыней, и терпит до конца, а они все равно растут опять.

Зато он развитой, все говорят. Он знает наизусть целую кучу книжек. Два или три раза прочтут ему книжку, и он уже знает ее наизусть. Знает и буквы, но читать самому — очень долго. Книжки густо измазаны цветными карандашами, потому что Сережа любит раскрашивать картинки. Если даже картинки в красках, он их перекрашивает по своему вкусу. Книжки недолго бывают новыми, они распадаются на куски. Тетя Паша приводит их в порядок, сшивая и склеивая листы, изорванные по краям.

Пропадет какой-нибудь лист — Сережа ищет его и успокаивается, когда находит: он привязан к своим книжкам, хотя в глубине души не принимает всерьез все эти истории. Звери на самом деле не разговаривают, и ковер-самолет летать не может, потому что он без мотора, это каждый дурак знает.

И вообще, как принимать всерьез, если читают про ведьму и тут же говорят: «А ведьм, Сереженька, не бывает».

Но все-таки он не может перенести, как это дровосек и его жена обманом завели своих детей в лес, чтобы они там заблудились и не вернулись никогда. Хотя Мальчик-с-пальчик спас их всех, но слушать про такие дела невозможно. Сережа не позволяет читать ему эту книжку.

Живет Сережа с мамой, тетей Пашей и Лукьянычем. В доме у них три комнаты. В одной спит Сережа с мамой, в другой тетя Паша с Лукьянычем, а третья столовая. При гостях едят в столовой, а без гостей в кухне. Еще есть терраса и двор. Во дворе куры. На двух длинных грядках растет лук и редиска. Чтобы куры не раскапывали грядки, кругом натканы сухие ветки с колючками; и когда Сереже нужно сорвать редиску, вечно эти колючки царапают ему ноги.

Считается, что их город маленький. Сережа и его товарищи думают, что это неправильно. Большой город. В нем есть магазины, и водокачки, и памятник, и кино. Иногда мама берет Сережу с собой в кино. «Мамочка, — говорит Сережа, когда тушат свет, — если будешь что-нибудь понимать, говори мне».

По улицам ездят машины. Шофер Тимохин катает ребят на своей полуторке. Только это редко бывает. Это бывает, когда Тимохин не выпьет водки. Тогда он нахмуренный, не разговаривает, курит, плюется и всех катает. А если проезжает веселый — не стбит и проситься, ничего не будет: машет рукой из окошечка и кричит: «Привет, ребята! Не имею морального права! Я выпивши!»

Улица, где живет Сережа, называется Дальняя. Просто называется: от нее всюду близко. До площади — километра два, Васька говорит. А до совхоза «Ясный берег» еще ближе, Васька говорит.

Главнее совхоза «Ясный берег» ничего нет. Там работает Лукьяныч. Тетя Паша ходит туда в магазин за селедками и мануфактурой. Мамина школа тоже в совхозе. По праздникам Сережа бывает с мамой на школьных утренниках. Там он познакомился с рыжей Фимой. Она большая, ей восемь лет. У нее косы уложены на ушах крендельками, а в косы вплетены ленты и завязаны бантами: или черные ленты, или голубые, или белые, или коричневые; очень много лент у Фимы. Сережа бы не заметил, но Фима сама спросила его: — Ты обратил внимание, сколько много у меня лент?

ТРУДНОСТИ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Это она правильно сделала, что спросила. А то разве на все обратишь внимание? Сережа и рад обратиться, да внимания не хватит. Столько вещей кругом. Мир набит вещами. Изволь всё заметить.

Почти все вещи очень большие: двери ужасно высокие, люди (кроме детей) почти такой же высоты, как двери. Не говоря уже о грузовике или комбайне, или о паровозе, который как загудит, так ничего не слышно, кроме его гудка.

Вообще — не так уж опасно: люди к Сереже доброжелательны, наклоняются, если ему нужно, и никогда не наступают на него своими громадными ногами. Грузовик и комбайн тоже безвредны, если не перебегать им дорогу. Паровозы — далеко, на станции, куда Сережа два раза ездил с Тимохиным. Но вот ходит по двору зверь. У него круглый, подозрительный, нацеливающийся глаз, могучий дышащий зоб, грудь колесом и железный клюв. Вот зверь остановился и мозолистой ногой разгребает землю. Когда он вытягивает шею, то делается одного роста с Сережей. И может так же заклевать Сережу, как заклевал молодого соседского петушка, который сдуру разлетелся в гости. Сережа стороной обходит кровожадного зверя, делая вид, что и не замечает его вовсе, — а зверь, свесив красный гребень набок и гортанно говоря что-то угрожающее, провожает его бдительным недобрым взглядом...

Петухи клюются, кошки царапаются, крапива жжется, мальчишки дерутся, земля срывает кожу с колен, когда падаешь, — и Сережа весь покрыт царапинами, ссадинами и синяками. Почти каждый день у него откуда-нибудь идет кровь. И вечно что-то случается. Васька влез на забор, и Сережа хотел влезть, но сорвался и расшибся. У Лиды в саду выкопали яму, и все ребята стали прыгать через яму, и всем ничего, а Сережа прыгнул и свалился в яму. Нога распухла и болела, Сережу уложили в постель. Едва поднялся и вышел во двор поиграть мячиком, а мячик залетел на крышу и лежал там за трубой, пока не явился Васька и не достал его. А как-то Сережа чуть-чуть не утонул. Лукьяныч повез их кататься по речке на челне —

Сережу, Ваську, Фиму и еще одну свою знакомую девочку, Надю. Челн у Лукьяныча оказался никудышный: только ребята зашевелились — он качнулся, и они все упали в воду, кроме Лукьяныча. Вода была жутко холодная. Она сразу налилась Сереже в нос, рот, уши, — он и крикнуть не успел; даже в живот. Сережа сделался весь мокрый и тяжелый, и его как будто кто-то потащил вниз. Он почувствовал ужас, какого никогда не чувствовал. И было темно. И это длилось невероятно долго. Как вдруг его подняли кверху. Он открыл глаза, — возле самого лица его струилась речка, был виден берег, и все сверкало от солнца. Вода, что была у Сережи внутри, вылилась, он вдохнул воздуху, берег придвигался ближе и ближе, и вот Сережа стал на четвереньки на твердый песок, дрожа от холода и страха. Это Васька сообразил схватить его за волосы и вытащить. А если бы у Сережи не было длинных волос, тогда что?

Фима выплыла сама, она умеет плавать. А Надя тоже чуть не утонула, ее спас Лукьяныч. А челн уплыл, пока Лукьяныч спасал Надю. Колхозницы поймали челн и позвонили Лукьянычу в контору по телефону, чтобы он его забрал. Но больше Лукьяныч не катает ребят. Он говорит: «Будь я проклят, если еще когда-нибудь с вами поеду».

От всего, что приходится увидеть и испытать за день, Сережа очень устает. К вечеру он совсем изнемогает: еле ворочается у него язык; глаза закатываются, как у птицы. Ему моют руки и ноги, сменяют рубашку, — он в этом не участвует, его завод кончился, как у часов.

Он спит, свободно откинув светловолосую голову, разбросав худенькие руки, вытянув одну ногу, а другую согнув в колене, словно он всходит по крутой лестнице. Волосы, тонкие и легкие, разделившись на две волны, открывают лоб с двумя упрямыми выпуклостями над бровями, как у молоденького бычка. Большие веки, опушенные тенистой полоской ресниц, сомкнуты строго. Рот приоткрылся посредине, в уголках склеенный сном. И дышит он неслышно, как цветок.

Он спит — и можете, пожалуйста, бить в барабан, палить из пушки, — Сережа не проснется, он копит силы, чтобы жить дальше.

— Сереженька, — сказала мама, — знаешь что?.. Мне хочется, чтобы у нас был папа.

Сережа поднял на нее глаза. Он не думал об этом. У одних ребят есть папы, у других нет. У Сережи тоже нет: его папа убит на войне; Сережа видел его только на карточке. Иногда мама целовала карточку и Сереже давала целовать. Он с готовностью прикладывал губы к стеклу, затуманившемуся от маминого дыхания, но любви не чувствовал: он не мог любить того, кого видел только на карточке.

Он стоял между мамиными коленями и вопросительно смотрел ей в лицо. Оно медленно розовело: сначала порозовели щеки, от них нежная краснота разлилась на лоб и уши... Мама зажала Сережу в коленях, обняла его и приложила горячую щеку к его голове. Теперь ему видна была только ее рука в синем рукаве с белыми горошинами. Шепотом мама спросила:

— Ведь без папы плохо, правда? Правда?..

— Да-а, — ответил он, тоже почему-то шепотом.

На самом деле он не был в этом уверен. Он сказал «да» потому, что ей хотелось, чтобы он сказал «да». Тут же он наскоро прикинул: как лучше — с папой или без папы? Вот, когда Тимохин их катает на грузовике, то все садятся наверху, а Шурик всегда садится в кабину, и все ему завидуют, но не спорят, потому что Тимохин — Шурикин папа. Зато если Шурик не слушается, то Тимохин наказывает его ремнем, и Шурик ходит зареванный и угрюмый, а Сережа страдает и выносит во двор все свои игрушки, чтобы Шурик утешился... Но, должно быть, с папой все-таки лучше: недавно Васька обидел Лиду, так она кричала: «А у меня зато папа есть, а у тебя нет, ага!»

— Чего это стучит? — спросил Сережа громко, заинтересовавшись глухим стуком у мамы в груди. Мама засмеялась, поцеловала Сережу и крепче прижала к себе:

— Это сердце. Мое сердце.

— А у меня? — спросил он, наклоня голову, чтобы услышать.

— И у тебя.

— Нет. У меня не стучит.

— Стучит. Просто тебе не слышно. Оно обязательно стучит. Без этого человек не может жить.

— Всегда стучит?

— Всегда.

— А когда я сплю?

— И когда ты спишь.

— А тебе слышно?

— Да. Слышно. А ты можешь рукой почувствовать. Она взяла его руку и приложила к ребрам.

— Чувствуешь?

— Чувствую. Здорово стучит. Оно большое?

— Сожми кулачок. Вот, оно такое приблизительно.

— Пусти, — озабоченно сказал он, выбираясь из ее объятий.

— Куда ты? — спросила она.

— Я сейчас, — сказал он и побежал на улицу, прижимая руку к левому боку. На улице были Васька и Женька. Он подбежал к ним и сказал:

— Вот попробуйте, хотите? Тут у меня сердце. Я его рукой чувствую. Попробуйте, хотите?

— Подумаешь! — сказал Васька. — У всех сердце. Но Женька сказал:

— А ну.

И приложил руку к Серезиному боку.

— Чувствуешь? — спросил Сереза.

— Ага, — сказал Женька.

— Оно приблизительно такое, как мой кулак, — сказал Сереза.

— А ты почему знаешь? — спросил Васька.

— Мне мама сказала, — ответил Сереза. И, вспомнив, добавил: — А у меня будет папа!

Но Васька и Женька не слушали, занятые своими делами: они несли на заготпункт лекарственные растения. На заборах вывесили списки — какие растения принимаются; и ребятам захотелось заработать. Два дня они собирали травы. Васька отдал свой сбор матери и велел перебрать, рассортировать и увязать в чистую тряпку; и теперь шел на заготпункт с большим опрятным узлом. А у Женьки матери нет, тетка и сестра на работе, не самому же возиться; Женька нес сдавать лекарственные растения в дырявом мешке от картошки, с корнями и даже с землей. Зато очень много было; больше чем у Васьки; взвалил на спину — так и согнулся пополам.

— И я с вами, — сказал Сережа, поспешая за ними.

— Не, — сказал Васька. — Поворачивай домой. Мы по делу идем.

— Да я просто так, — сказал Сережа. — Просто провожу.

— Поворачивай, сказано! — приказал Васька. — Это тебе не игра. Маленьким нечего там делать!

Сережа отстал. У него дрогнула губа, но он скрепился: подходила Лида, при ней плакать не стоит, а то задразнит: «Плакса! Плакса!»

— Не взяли тебя? — спросила она. — Эх, ты!

— Если я захочу, — сказал Сережа, — я вот столько наберу всякой разной травы! Выше неба!

— Выше неба — врешь, — сказала Лида. — Выше неба никто не наберет.

— А вот у меня будет папа, он наберет, — сказал Сережа.

— Врешь ты все, — сказала Лида. — Никакого папы у тебя не будет. И он все равно не наберет. Никто не наберет.

Сережа, запрокинув голову, посмотрел на небо и задумался: можно набрать травы выше неба или нельзя? Пока он думал, Лида сбегала к себе домой и принесла пестрый шарф, — мать ее носила этот шарф, когда на шее, а когда на голове. С шарфом Лида принялась плясать, размахивая им, вскидывая руки и ноги и распевая что-то себе в помощь. Сережа стоял и смотрел. Лида на минутку перестала плясать и сказала:

— Надька врет, что ее в балет отдадут.

Поплясала еще и сказала:

— На балерин учат в Москве и в Ленинграде.

И, заметив в Сережиных глазах восхищение, великодушно предложила:

— Чего ж ты? Учись давай, ну? Смотри на меня и делай, что я делаю.

Он стал делать, но без шарфа не получалось. Она велела ему петь, но и это не помогло. Он попросил:

— Дай мне шарфик.

Но она сказала:

— Ишь какой!

И не дала. В это время подъехала машина «газик» и остановилась у Сережиных ворот. Из машины вышла

женщина-шофер, а из калитки тетя Паша. Женщина-шофер сказала:

— Принимайте. Дмитрий Корнеевич прислал.

В машине был чемодан и стопки книг, перевязанные веревками. И еще что-то толстое серое, скатанное в трубку, — оно развернулось, это оказалась шинель. Тетя Паша и шофер стали носить все это в дом. Мама выглянула из окошка и скрылась. Шофер сказала:

— Извините — вот и все приданое.

Тетя Паша ответила грустным голосом:

— Уж пальтишко мог бы купить.

— Купит, — пообещала шофер. — Все впереди. И вот передайте письмецо.

Она отдала письмо и уехала. Сережа побежал домой, крича:

— Мама! Мама! Коростелев нам прислал свою шинель!

(Дмитрий Корнеевич Коростелев ходил к ним в гости. Он дарил Сереже игрушки и один раз зимой катал его на саночках. Шинель у него без погон, осталась с войны. Сказать «Дмитрий Корнеевич» трудно, Сережа звал его: Коростелев.)

Шинель уже висела на вешалке, а мама читала письмо. Она ответила не сразу, а когда дочитала до самого конца:

— Я знаю, Сереженька. Коростелев теперь будет жить с нами. Он будет твой папа.

И она стала читать то же самое письмо — наверно, с одного раза не запомнила, что там написано.

Под словом «папа» Сереже представлялось что-то чужое, невиданное. А Коростелев — их старый знакомый, тетя Паша и Лукьяныч зовут его «Митя», — что это маме вдруг вздумалось? Сережа спросил:

— А почему?

— Слушай, — сказала мама, — ты дашь прочесть письмо, или ты не дашь?

Так она ему и не ответила. У нее оказалось много разных дел. Она развязала книги и поставила на полку. И каждую книгу обтирала тряпкой. Потом переставила штучки на комод перед зеркалом. Потом пошла во двор и нарвала цветов и поставила в вазочку. Потом для чего-то ей понадобилось мыть пол, хотя он был чистый. А потом стала печь пирог. Тетя Паша ее учила,

как делать тесто. И Сереже дали теста и варенья, и он тоже испек пирог, маленький.

Когда пришел Коростелев, Сережа уже забыл о своих недоумениях и сказал ему:

— Коростелев! Посмотри, я испек пирог!

Коростелев наклонился к нему и несколько раз поцеловал, — Сережа подумал: «Это он потому так долго целуется, что он теперь мой папа».

Коростелев распаковал свой чемодан, достал оттуда мамину карточку в рамке, взял в кухне гвоздь и молоток и повесил карточку в Сережиной комнате.

— Зачем это, — спросила мама, — когда я живая буду всегда с тобой?

Коростелев взял ее за руку, они потянулись друг к другу, но оглянулись на Сережу и отпустили руки. Мама вышла. Коростелев сел на стул и сказал задумчиво:

— Вот так, брат Сергей. Я, значит, к тебе переехал, не возражаешь?

— Ты насовсем переехал? — спросил Сережа.

— Да, — сказал Коростелев. — Насовсем.

— А ты меня будешь драть ремнем? — спросил Сережа.

Коростелев удивился:

— Зачем я тебя буду драть ремнем?

— Когда я не буду слушаться, — объяснил Сережа.

— Нет, — сказал Коростелев. — По-моему, это глупо — драть ремнем, а?

— Глупо, — подтвердил Сережа. — И дети плачут.

— Мы же с тобой можем договориться, как мужчина с женщиной, без всякого ремня.

— А в которой комнате ты будешь спать? — спросил Сережа.

— Видимо, в этой, — ответил Коростелев. — По всей видимости, брат, так. А в воскресенье мы с тобой пойдем — знаешь, куда мы с тобой пойдем? В магазин, где игрушки продают. Выберешь сам, что тебя устраивает. Договорились?

— Договорились! — сказал Сережа. — Я хочу велисапед. А воскресенье скоро?

— Скоро.

— Через сколько?

— Завтра будет пятница, потом суббота, а потом воскресенье.

— Еще не скоро! — сказал Сережа.

Пили чай втроем: Сережа, мама и Коростелев. (Тетя Паша с Лукьянычем куда-то ушли.) Сереже хотелось спать. Серые бабочки толклись вокруг лампы, стукались об нее и падали на скатерть, часто мелькая крылышками, — от этого хотелось спать еще сильнее. Вдруг он увидел, что Коростелев куда-то несет его кровать.

— Зачем ты взял мою кровать? — спросил Сережа.

Мама сказала:

— Ты совсем спишь. Пошли мыть ноги.

Утром Сережа проснулся и не сразу понял, где он. Почему вместо двух окон три, и не с той стороны, и не те занавески. Потом разобрался, что это тети-Пашина комната. Она очень красивая: подоконники заставлены цветами, а за зеркало заткнуто павлинье перо. Тетя Паша и Лукьяныч уже встали и ушли, постель их была постлана, подушки уложены горкой. Раннее солнце играло в кустах за открытыми окнами. Сережа вылез из кровати, снял длинную рубашку, надел трусики и вышел в столовую. Дверь в его комнату была закрыта. Он подергал ручку: дверь не отворилась. А ему туда нужно было непременно: там ведь находились все его игрушки. В том числе новая лопата, которой ему вдруг очень захотелось покопать.

— Мама! — позвал Сережа.

— Мама! — позвал он еще раз.

Дверь не открывалась, и было тихо.

— Мама! — крикнул Сережа изо всех сил.

Тетя Паша вбежала, схватила его на руки и понесла в кухню.

— Что ты, что ты! — шептала она. — Как можно кричать! Нельзя кричать! Слава богу, не маленький! Мама спит, и пусть себе спит на здоровье, зачем будить!

— Я хочу взять лопату, — сказал он тревожно.

— И возмешь, никуда не денется лопата. Мама встанет, и возмешь, — сказала тетя Паша. — Смотри-ка, а вот рогатка твоя. Вот ты пока рогаткой позанимаешься. А хочешь, морковку почистить дам. А раньше всех дел добрые люди умываются.

Разумные, ласковые речи всегда действовали на Сережу успокоительно. Он дал ей умыться себя и выпил кружку молока. Потом взял рогатку и вышел на улицу.

Напротив на заборе сидел воробей. Сережа, не целясь, стрельнул в него из рогатки камушком и, конечно же, промахнулся. Он нарочно не целился, потому что сколько бы он ни целился, он бы все равно не попал, кто его знает — почему; но тогда Лида дразнилась бы, а теперь она не имеет права дразниться: ведь видно было, что человек не целился, просто захотелось ему стрельнуть, он и стрельнул не глядя, как попало.

Шурик крикнул от своих ворот:

— Сергей, в рощу пошли?

— А ну ее! — сказал Сережа.

Он сел на лавочку и сидел, болтая ногой. Его беспокойство усиливалось. Проходя через двор, он увидел, что ставни на его окнах тоже закрыты. Сразу он не придал этому значения, а теперь сообразил: ведь они летом никогда не закрываются, только зимой, в сильный мороз; получается, что игрушки заперты со всех сторон. И ему захотелось их до того, что хоть ложись на землю и кричи. Конечно, он не станет ложиться и кричать, он не маленький, но от этого ему не было легче. Мама и Коростелёв даже и не беспокоятся, что ему сию минуту нужна лопата.

«Как только они проснутся, — думал Сережа, — я сейчас же всё-всё перенесу в тети-Пашину комнату. Не забыть кубик: он еще когда упал за комод и там лежит».

Васька и Женька подошли и стали перед Сережей. И Лида подошла с маленьким Виктором на руках. Они стояли и смотрели на Сережу. А он болтал ногой и не говорил ничего. Женька спросил:

— Ты чего сегодня такой?

Васька сказал:

— У него мать женилась.

Еще помолчали.

— На ком она женилась? — спросил Женька.

— На Коростелеве, директоре «Ясного берега», — сказал Васька. — Ох, его и прорабатывали!

— За что прорабатывали? — спросил Женька.

— Ну — за хорошие, значит, дела, — сказал Васька и достал из кармана мятую пачку папирос.

— Дай закурить, — сказал Женька.

— Да у меня у самого, кажется, последняя, — сказал Васька, но все-таки папиросу дал и, закурив,

протянул горящую спичку Женьке. Огонь на кончике спички в солнечном свете прозрачен, невидим; не видать, отчего почернела и скорчилась спичка и отчего задымила папираса. Солнце светило на ту сторону улицы, где собрались ребята; а другая сторона была еще в тени, и листья крапивы там вдоль забора, вымытые росой, темны и мокры. И пыль посреди улицы: на той стороне прохладная, а на этой теплая. И два гусеничных следа по пыли: кто-то проехал на тракторе.

— Переживает Сережка, — сказала Лида Шурику. — Новый папа у него.

— Не переживай, — сказал Васька. — Он дядька ничего себе, по лицу видать. Как жил, так и будешь жить, какое твое дело.

— Он мне купит велосипед, — сказал Сережа, вспоминая вчерашний разговор.

— Обещал купить, — спросил Васька, — или же просто ты надеешься?

— Обещал. Мы вместе в магазин пойдем. В воскресенье. Завтра будет пятница, потом суббота, а потом воскресенье.

— Двухколесный? — спросил Женька.

— Трехколесный не бери, — посоветовал Васька. — На кой он тебе. Ты скоро вырастешь, тебе нужен двухколесный.

— Да врет он все, — сказала Лида. — Никакого велосипеда ему не купят.

Шурик надулся и сказал:

— Мне мой папа тоже купит велосипед. Как будет получка, так и купит.

ПЕРВОЕ УТРО С КОРОСТЕЛЕВЫМ В ГОСТЯХ

Загремело железо во дворе. Сережа посмотрел в калитку: это Коростелев снимал болты и отворял ставни. Он был в полосатой рубашке и голубом галстуке, мокрые волосы гладко зачесаны. Он отворил ставни, а мама изнутри толкнула створки окна, они распахнулись, и мама что-то сказала Коростелеву. Он ответил ей, облокотясь на подоконник. Она протянула руки и сжала его